

G. 1126

II.1
Ж 72

1956

Фундаментальна
в кабинетъ
государственной наукъ
отъ обшч

Прив.-доц. А. Жилинъ.

№ 68



ИСТОРИЧЕСКІЯ НАЧАЛА

АНГЛІЙСКАГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА,

КАКЪ ФУНДАМЕНТЪ

НОВАГО КОНСТИТУЦІОННАГО ГОСУДАРСТВА.



СЛОВО



1-ый Ленинградский
Юридический институт
БИБЛИОТЕКА



КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. О-ва печ. и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мeringовская улица
1906.



Въпросъ за Жилища.

Печатано по опредѣленію Совета Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1906 годъ.

СЛОБОД



Историческія начала англійскаго государственнаго права, какъ фундаментъ новаго конституціоннаго государства.

Вступительная лекція приватъ-доцента А. Жилина по англійскому государственному праву, читанная 6 октября 1905 года.

Англійское государственное право представляет двоякій интересъ и двоякое значеніе для разсмотрѣнія. Съ одной стороны, какъ право одного изъ самыхъ культурныхъ, передовыхъ народовъ Западной Европы, по справедливости стяжавшее себѣ удивленіе и преклоненіе всего цивилизованнаго міра, какъ образецъ учреждений, согласованныхъ съ народнымъ національнымъ духомъ, съ характеромъ, историческими и бытовыми условіями народа, живущаго подъ его сѣнью, а съ другой, какъ факторъ, могущественно повліявшій на измѣненіе и усовершенствованіе государственной организациіи всѣхъ Западно-Европейскихъ державъ. Это второе важное значеніе англійскаго государственнаго права послужить предметомъ предлагаемаго краткаго изслѣдованія. Нашей задачей будетъ прослѣдить организаторскую, творческую роль, которую сыграло государственное право Англійи въ исторіи установленія и развитія конституціонализма въ новое время. Интересно и въ высшей степени поучительно прослѣдить эту рецепцію исторически выработавшихся институтовъ одного народа всѣми другими просвѣщенными націями, составляющую наряду съ рецепціей римскаго гражданскаго права выдающійся моментъ въ исторіи развитія человѣческихъ обществъ путемъ усвоенія правовыхъ началъ одного народа другими въ виду высокихъ ихъ качествъ и значенія для всего че-

ловѣчества. Англійское право есть право, выработавшееся чисто исторически. Это его главная характерная черта. Путемъ медленной исторической эволюціи, безъ рѣзкихъ скачковъ и перемѣнъ развивалось, крѣпло и зрѣло право Англии. Англичане гордятся древностью своихъ учреждений. Конституція не изобрѣтена, но выросла, говорятъ они. И дѣйствительно, корни англійскихъ государственно правовыхъ институтовъ и начала англійскаго права лежать въ глубокой древности. Ихъ по справедливости слѣдуетъ искать еще въ древнемъ англо-саксонскомъ періодѣ англійской исторіи. Изъ собраній древнихъ сотенъ и графствъ постепенно выросло современное мѣстное самоуправленіе и изъ собраній при короляхъ знатнѣйшихъ вассаловъ съ присоединеніемъ къ нимъ въ 13-мъ столѣтіи выборныхъ представителей отъ графствъ и городовъ королевства путемъ медленной исторической эволюціи образовался современный парламентъ со всеми его атрибутами и правами. Англичане потомъ и кровью своей долгой государственной жизни развили постепенно все главнѣйшія начала, легшія, какъ основные принципы, какъ фундаментъ, въ основу конституціоннаго права всехъ народовъ новаго времени. Изъ простыхъ, но способныхъ къ мощному развитію учреждений древнихъ германцевъ, въ лѣсахъ которыхъ, по выраженію Монтескье, родилась новѣйшая конституціонная свобода, англійскій народъ выработалъ сложную систему установленій и началъ, обезпечивающихъ, какъ силу и мощь государственному организму, такъ и политическую свободу его гражданамъ, искусно примиряющихъ два главные великіе принципа порядка и свободы въ человѣческомъ обществѣ, организованномъ въ государство. Замѣчательной чертой англійскаго государственнаго права являются, съ одной стороны—консерватизмъ, стремленіе къ сохраненію древнихъ началъ и учреждений, а съ другой—стремленіе вмѣстѣ съ тѣмъ къ свободѣ, политическимъ правамъ и прогрессу въ политической жизни. Англичане стремились всегда примѣнять новыя начала въ рамкахъ завѣщанныхъ отъ сѣдой старины любимыхъ народныхъ учреждений, развивая въ этихъ учрежденіяхъ все способное къ развитію и вливая новый духъ въ застывшія формы. Изъ чисто историческихъ институтовъ, прецедентовъ и обычаевъ выработался въ Англии рядъ принциповъ, вошедшихъ въ плоть и кровь англійскаго народа. Эти принципы были собраны, сформулированы, теоретизированы континентальными писателями и, сдѣлавъ

шисъ цѣлью стремленій всего цивилизованнаго міра въ концѣ 18-го и началѣ 19-го столѣтій, легли въ основу государственной организациі Западно-Европейскихъ и Американскихъ державъ. Конституціонное право, дѣйствующее во всѣхъ этихъ государствахъ, основано на слѣдующихъ главнѣйшихъ началахъ: а) граждане въ государствѣ должны пользоваться извѣстною суммой правъ, называемыхъ „правами гражданской свободы“; б) для обезпеченія этихъ правъ въ составъ государственной верховной власти вводится особое учрежденіе—народное представительство; в) этому учрежденію, кромѣ охраны правъ гражданъ, принадлежатъ еще слѣдующія права: право на участіе въ законодательствѣ, право финансоваго контроля и право надзора за управленіемъ страны, право требовать у правительства отчета въ управленіи и привлекать къ отвѣтственности высшихъ правительственныхъ органовъ—министровъ. Таковы главнѣйшіе принципы, важнѣйшія теоретическія обобщенія, выставляемые въ новое время, какъ незыблемыя основы всякаго конституціоннаго права. Теперь, если мы обратимся къ исторіи развитія англійскаго государственнаго права, то найдемъ, что всѣ эти принципы, но не въ какой-либо отвлеченной формулировкѣ, а въ конкретномъ примѣненіи, признаются и признавались въ Англии уже съ давнихъ временъ, какъ слѣдствіе общаго права страны (*common-law*), подтверждаясь и закрѣпляясь главнѣйшими законодательными актами, постановленіями парламентовъ и рѣшеніями судовъ.

Просмотримъ бѣгло историческое развитіе ихъ въ Англии. Прежде всего—права гражданской свободы. Они, какъ извѣстно, состоятъ изъ правъ гражданъ на личную свободу, свободу слова и собраній, свободу печати, изъ права петицій и правъ религіозной свободы или свободы совѣсти. Таковы обычно перечисленія этихъ правъ въ различныхъ конституціяхъ континентальныхъ государствъ. Признаніе и осуществленіе почти всѣхъ этихъ правъ мы можемъ найти уже, такъ сказать, на зарѣ англійской конституціонной исторіи. Личная свобода гражданъ, т. е. свобода ихъ отъ произвольныхъ арестовъ со стороны администраціи, признана была въ Англии уже въ 1215 году въ знаменитой хартіи вольностей—*Magna Charta libertatum*, 39 статья которой гласитъ слѣдующее: „*nullus liber homo capiatur vel imprisonetur aut aliquo modo destruat... nisi per legale iudicium parium suorum vel per legem terrae*“, т. е. никакой свободный человѣкъ не можетъ быть арестованъ, заключенъ въ тюрьму

или какимъ-либо инымъ образомъ ограниченъ въ своихъ правахъ иначе, какъ по суду равныхъ ему (по общественному положенію) людей и по закону страны¹⁾. Подтверждаемый неоднократно въ рядъ судебныхъ рѣшеній и парламентскихъ актовъ, этотъ принципъ окончательно оформился и получилъ правильное практическое примѣненіе въ 1679 году въ такъ называемомъ Habeas Corpus Act'ѣ²⁾. Свобода слова и свобода собраній (митинговъ) не закрѣплена въ Англии какими-либо особыми законодательными постановленіями. Эти начала, какъ прекрасно указано оксфордскимъ проф. Дайси³⁾, сами собою вытекаютъ изъ общаго права страны, изъ права гражданъ дѣлать все то, что не запрещено законами. Какъ каждый отдѣльный человѣкъ можетъ обсуждать всевозможные вопросы со всякимъ встрѣчнымъ, гдѣ и когда ему вздумается, такъ и много людей могутъ одновременно собраться вмѣстѣ для обсуждения чего бы то ни было, лишь бы только это собраніе ихъ не нарушало законовъ страны или чьихъ либо правъ. Англичане издавна призывали къ совмѣстному обсужденію различныхъ вопросовъ въ своихъ мѣстныхъ собраніяхъ древнихъ сотенъ, въ собраніяхъ приходо- и графствъ и различныхъ мѣстныхъ общественныхъ союзовъ для всевозможныхъ культурныхъ задачъ мѣстнаго благоустройства. Аналогично и свобода печатнаго слова развивалась въ Англии, какъ право гражданъ, основанное на общемъ правѣ страны. Она долгое время ограничивалась въ силу политическихъ и вѣроисповѣдныхъ соображеній особыми актами парламентовъ. Послѣдніе законы, ограничивавшіе свободу печати, были изданы въ 1637 г. и періодически возобновлялись парламентомъ, прекративъ свое существованіе въ 1694 году⁴⁾. Они носили названіе Licensing Act—актъ о дозволении, т. е. о дозволении цензуры. Это названіе весьма характерно. Оно

¹⁾ Rudolf Gneist, Englische Verfassungsgeschichte. Berlin 1882, § 17, стр. 247.

²⁾ R. Gneist, назв. соч., § 37, стр. 604. Дерюжинскій, Habeas Corpus Act и его приостановка по англ. праву. Юрьевъ, 1895.

³⁾ Дайси. „Основы государственнаго права Англии“. Рус. переводъ подъ ред. проф. Виноградова, 2-е изданіе (библіотеки для самообразованія) 1905 г. гл. VII и прибавленіе V. Рекомендую вообще эту книгу, какъ прекрасное пособіе для изученія англійскаго государственнаго права.

⁴⁾ Hallam. Histoire constitutionnelle d'Angleterre. Traduction par M. Guizot. Paris 1828, t. IV, p. 352 и сл. См. также R. Gneist, назв. соч., § 38, стр. 609 примѣчаніе.

показываетъ, что цензура не понималась, какъ правило, а изъятія изъ нея, какъ исключенія, а наоборотъ, само введеніе цензуры является какъ бы исключеніемъ, временнымъ ограниченіемъ общихъ правъ гражданъ, по извѣстнымъ соображеніямъ „дозволеннымъ“ парламентомъ. Всякія цензурныя ограниченія поэтому являлись лишь временными и исчезли въ 1694 году, когда парламентъ отказался возобновить Licensing Act. Когда отпали ограничительные законы, пресса подчинилась общему закону о насквиляхъ (libels)¹⁾. Затѣмъ право петицій. Это право вытекаетъ также изъ древняго права англійскихъ гражданъ подавать королю жалобы, челобитныя на притѣненія администраціи и безпорядки въ различныхъ частяхъ государственнаго управленія. Сохранились петиціи еще со временъ Эдуарда I. Особенно яркое подтвержденіе это право нашло себѣ въ такъ называемомъ „процессѣ семи епископовъ“²⁾, подавшихъ 18-го мая 1688 года королю Іакову II петицію объ отмѣнѣ изданной имъ деклараціи, дававшей равноправіе католикамъ. Привлеченные королемъ за это свое дѣяніе къ суду, какъ за „распространеніе злонамѣреннаго насквиля“, епископы были оправданы судомъ, и судъ при этомъ подтвердилъ, что право петицій есть древнѣйшее неотъемлемое право англійскихъ гражданъ, что затѣмъ было торжественно закрѣплено биллемъ о правахъ 1689 года. Итакъ, какъ видимъ, къ концу 17-го вѣка всѣ вышеперечисленныя права гражданъ получили свое полное признаніе въ англійскомъ правѣ. Нѣкоторой анамаліей оставалось непризнаніе свободы совѣсти. Только въ 19-мъ столѣтіи въ 1828 году въ министерство Пиля и Веллингтона были отмѣнены вѣроисповѣдныя ограниченія католиковъ и диссидентовъ по занятію государственныхъ должностей.

Изъ предыдущаго бѣглаго обзора видно, что всѣ права гражданской свободы развивались въ Англійи чисто историческимъ путемъ изъ общихъ началъ права страны. Аналогичнымъ образомъ возникаютъ здѣсь и другіе принципы конституціоннаго права. Англійскій парламентъ въ первыя времена англійской исторіи почти не отличался по своему составу и правамъ отъ сословныхъ собра-

¹⁾ Фишель. Государственный строй Англійи, пер. Цейдлера, Спб., 1862, тл. VIII, стр. 82. Homersham Cox. Die Staatseinrichtungen Englands. Нѣм. пер. Kühne, Berlin 1867, стр. 247—261.

²⁾ Hallam, назв. соч., т. IV, стр. 224.

ній континентальныхъ государствъ. Но, въ то время какъ на континентѣ эти собранія такъ и оставались собраніями чиновъ, сословія (Landstände), заботившихся лишь о своихъ сословныхъ интересахъ, въ то время какъ они, какъ на примѣръ, во Франціи при Карлѣ VII, уступивъ королю свои важнѣйшія финансовыя права—соглашались на установленіе налоговъ и податей, постепенно теряютъ и другія свои права и вымираютъ, давая дорогу абсолютизму, въ Англіи, совершенно наоборотъ, парламенты сохраняютъ за собою всегда право соглашаться на взиманіе налоговъ, и это право въ ихъ рукахъ является могучимъ рычагомъ, при помощи котораго они выходятъ побѣдителями въ отстаиваніи исконныхъ своихъ правъ и въ завоеваніи новыхъ. Они постепенно становятся изъ сословныхъ собраній органомъ всего народа, народнымъ представительствомъ въ современномъ смыслѣ этого слова, и уже въ 17 столѣтіи въ парламентѣ неоднократно формулируются и подтверждаются два главные принципа народного представительства, а именно: 1) членъ парламента является представителемъ всего народа, а не какой-либо его части, сословія, класса или округа его избравшаго и 2) онъ не связанъ какими-либо наказами, обязательными инструкціями своихъ избирателей, свободенъ въ своихъ взглядахъ и дѣятельности¹⁾. Права парламента по законодательству и управленію развились аналогично предыдущимъ. Право на участіе въ законодательной власти формально признано за парламентомъ впервые въ 1322 г. при королѣ Эдуардѣ II, когда было постановлено, что „всѣ дѣла касающіяся королевства, короля и его наслѣдниковъ должны обсуждаться въ парламентѣ“. Финансовая власть парламента была закрѣплена за нимъ актомъ 1297 года, изданнымъ въ царствованіе короля Эдуарда I-го и носящимъ названіе *confirmatio cartarum* (подтверженіе древнихъ хартій, обезпечивавшихъ права гражданъ). Оба эти важныя начала окончательно торжественно подтверждены биллемъ о правахъ (*Bill of Rights*) 1689 года²⁾. Наконецъ, принципъ ответственности министровъ, великій принципъ, обезпечивающій, какъ законмѣрность въ государственномъ управленіи, такъ и направленіе государственной политики въ духъ національнаго преуспѣянія и

¹⁾ Blakstone Commentaries on the laws of England, I—IV уже ясно формулируетъ эти начала, t. I, гл. II, стр. 159 и сл.

²⁾ Hallam. Назв. сочин. t. IV. Chap. XV.

народнаго блага, вытекъ изъ стариннаго права членовъ королевскихъ совѣтовъ, а затѣмъ пріемника ихъ парламента привлекать къ отвѣту и судить дурныхъ совѣтниковъ короля. Такъ какъ по англійскому праву король никогда не можетъ желать или дѣлать злое, а посему и безотвѣтственъ, то за беззаконія въ управленіи и вредъ, приносимый государству дурной администраціей, должны отвѣчать совѣтники короля—министры, вводящіе его своими дурными совѣтами въ заблужденіе. Историческіе виды министерской отвѣтственности въ Англіи осуществлялись въ двухъ формахъ. Въ формѣ обвиненія министровъ палатою общинъ и суда надъ ними палаты лордовъ, т. наз. *impeachment*, и въ формѣ особаго парламентскаго акта опальнаго билля—*Bill of attainder*, вотировавшагося каждый разъ *ad hoc* противъ даннаго министра и бывшаго въ сущности особымъ специальнымъ закономъ, при томъ еще съ обратнымъ дѣйствіемъ, такъ какъ въ немъ устанавливалось преступленіе и соотвѣтствующее ему наказаніе въ каждомъ данномъ случаѣ. Въ настоящее время эти виды министерской отвѣтственности, бывшіе во многомъ несправедливыми и жестокими, особенно послѣдній, вышли изъ употребленія. При установленіи парламентскаго образа правленія ихъ замѣнила парламентская отвѣтственность министровъ. Въ слѣдующихъ лекціяхъ мы прослѣдимъ подробно этотъ интересный и важный вопросъ. Здѣсь же намъ необходимо лишь установить историческое происхожденіе извѣстныхъ принциповъ. А эти принципы—безотвѣтственность короля и отвѣтственность всѣхъ высшихъ органовъ королевской администраціи передъ народнымъ представительствомъ—были признаны и подтверждены въ длинномъ рядѣ процессовъ противъ министровъ, самое полное и всестороннее изложеніе которыхъ находится въ классическомъ сочиненіи нѣмецкаго писателя Роберта фонъ Моля о министерской отвѣтственности ¹⁾. Изъ этихъ процессовъ слѣдуетъ отмѣтить процессъ министра короля Карла II Лорда Денби въ 1678 году. Въ этомъ процессѣ были установлены парламентомъ главные принципы министерской отвѣтственности, а именно: 1) министръ долженъ отвѣтствовать не только за законность, но и за цѣлесообразность своихъ дѣйствій, за соотвѣтствіе ихъ благу страны, 2) король не можетъ

¹⁾ *Robert von Mohl. Die Verantwortlichkeit der Minister in Einherrschaften mit Volksvertretung. Tübingen, 1837.*

прекратить возбужденное противъ министра преслѣдованіе или помиловать министра, осужденнаго парламентомъ. Насколько все вышеперечисленныя начала привились въ сознаниі англійскаго народа видно изъ двухъ выдающихся примѣровъ англійской исторіи, относящихся къ принципу финансовой власти парламента. При Карлѣ I одинъ богатый землевладѣлецъ Джонъ Гампденъ категорически отказался уплатить ничтожную сумму въ 20 шиллинговъ такъ называемой „корабельной подати“, введенной королемъ безъ согласія парламента, и рѣшилъ скорѣе подвергнуться суду и тюремному заключенію, чѣмъ нарушить священный принципъ обложенія народа податями не иначе, какъ только съ егласія его представителей ¹⁾). Англійскія колоніи въ сѣверной Америкѣ, теперешніе Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, отпали отъ Англійи опять-таки, главнымъ образомъ, потому, что не желали платить налоговъ, наложенныхъ на нихъ англійскимъ парламентомъ, въ которомъ не было ихъ представителей, безъ всякаго согласія съ ихъ стороны ²⁾). Все эти историческія права англійскихъ гражданъ и представителя ихъ интересовъ парламента сложились, какъ можно видѣть изъ всей предыдущей краткой экскурсіи въ область исторіи англійскаго государственнаго права, уже до временъ второй революціи 1688 года. Извѣстный англійскій конституціонный историкъ Галламъ прекрасно изображаетъ въ своемъ обширномъ трудѣ эту картину развитія началъ свободнаго государства въ Англійи, ставя во главѣ своего изложенія перечисленіе правъ англійскаго народа и талантливо, живо рисуя исторію борьбы за нихъ народа съ посягавшими на нихъ королями и окончательное ихъ признаніе ³⁾).

Начала эти: права гражданской свободы и парламентъ, какъ народное представительство и какъ охрана гражданскихъ правъ, а также, какъ органъ для содѣйствія королю въ законодательствѣ и управленіи, закрѣпленныя путемъ постояннаго примѣненія съ давнихъ временъ въ сознаниі народа, какъ его существенныя права, вызываютъ протестъ и энергичный отпоръ противъ посягательства

¹⁾ *Hallam*. Назв. сочин. т. II, Chap. VIII, p. 232 и сл.

²⁾ *May*. Die Verfassungs-Geschichte Englands, нѣм. пер. Oppenheim'a. Leipzig 1862, 2 тома. См. т. II, стр. 13.

³⁾ См. *Hallam*. Выше цитированное сочиненіе во фр. переводѣ Guizot, I—V tt.

на нихъ королей изъ династіи Стюартовъ, и англійскія революціи завершаются окончательнымъ признаніемъ этихъ началъ и закрѣпленіемъ ихъ въ знаменитыхъ историческихъ актахъ — въ петиціи правъ и билль о правахъ. Англійскія революціи справедливо называются ихъ историками Гизо и Маколеемъ консервативными, охранительными революціями, такъ какъ ихъ цѣлью было не установленіе какихъ-либо новыхъ началъ, какъ это имѣло мѣсто въ революціяхъ континентальныхъ державъ, а закрѣпленіе правъ, издавна признанныхъ за народомъ, охраненіе ихъ противъ посягательствъ на нихъ королевской власти. Когда послѣдніе важные акты 17-го столѣтія Petition of Rights 1628 г. и Bill of Rights 1689 года утвердили эти начала въ торжественной формѣ, мы видимъ, что въ концѣ этого столѣтія въ Англии прочно уже укореняются основныя установленія и важнѣйшіе принципы свободнаго государетва. Однако въ Европу они проникли спустя почти цѣлое столѣтіе. Выдающимся ученымъ континента, какъ Луазо, Боденъ и др., были хорошо извѣстны современные имъ англійскіе порядки, но они не считали ихъ совершенными и не видѣли въ нихъ ничего достойнаго подражанія. Идеаломъ, выставляемымъ на континентѣ въ 17 и первую половину 18 столѣтія, была абсолютная монархія, идеализированное французское государственное устройство. Для принятія англійскихъ началъ нужна была иная, болѣе благопріятная эпоха и болѣе подготовленная почва. Эти условія настали въ концѣ 18 в. Прослѣдимъ пути и характеръ перехода англійскихъ началъ на континентъ. Развившись чисто-исторически и будучи завершены второй достопамятной безкровной революціей 1688 года и актами ее сопровождавшими, начала англійскаго государственнаго устройства въ этомъ своемъ окончательномъ видѣ были подробно описаны, сведены въ систему и формулированы извѣстнымъ англійскимъ писателемъ Локкомъ въ его сочиненіи: „Два трактата о правительствѣ“¹⁾. Затѣмъ на континентѣ англійскія учрежденія получили широкую извѣстность благодаря французскому ученому Монтескье въ его обширномъ трудѣ: „Духъ законовъ“, швейцарскому писателю Де-Лольму и англійскому юристу Блэкстону.

¹⁾ John Locke „Two treatises of government“. Появилось векорѣ послѣ революціи 1688 г.

Распространение свѣдѣній объ англійской конституціи совпало съ расцвѣтомъ идей такъ называемаго „естественнаго права“ и учениемъ просвѣтительной философіи конца 18-го столѣтія—Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ, находившихся подъ влияніемъ этихъ идей. Французскій ученый Эменъ справедливо утверждаетъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „*Eléments de droit constitutionnel*“, что главными факторами перехода отъ стараго абсолютнаго строя къ новому конституціонному на континентѣ Западной Европы послужили идеи писателей и философовъ конца 18 столѣтія съ одной стороны и англійское государственное право съ другой¹⁾. И дѣйствительно, первое подготовило умы и побудило ихъ стремиться къ новымъ лучшимъ порядкамъ въ государственной жизни, второе явилось положительнымъ началомъ, питало идеалы, наполняло ихъ положительнымъ содержаніемъ. Но въ виду того, что историческія начала Англійи перешли на континентъ въ отвлеченной теоретической обработкѣ и получили подъ влияніемъ естественнаго права, приверженцемъ котораго былъ уже первый систематикъ англійскаго права Локкъ, значеніе прирожденныхъ, естественныхъ правъ, эти начала въ континентальныхъ Европейскихъ государствахъ являются отвлеченными логическими постулатами. Свое конкретное выраженіе требованія эти находятъ въ знаменитой — *Déclaration des droits de l'homme et du citoyen*, изданной французскимъ Національнымъ Собраніемъ 26 августа 1789 года. Эта декларация не была, подобна англійскому биллю о правахъ *Bill of Rights* 1689 года, провозглашеніемъ исконныхъ правъ націи, основанныхъ на древнихъ законахъ и прецедентахъ. Она явилась естественнымъ закономъ, примѣнимымъ ко всѣмъ людямъ, независимо отъ условій мѣста и времени. Основныя начала декларации, получившія названіе „*principes de 1789*“, суть слѣдующія. „Люди имѣютъ извѣстную сумму правъ, которыя суть неотчуждаемыя, естественныя ихъ права и не должны быть нарушаемы государственными властями. Для гарантіи этихъ правъ должна существовать конституція, основанная на раздѣленіи властей. Нація должна участвовать въ составленіи законовъ лично или черезъ своихъ представителей, а также въ завѣдываніи финан-

¹⁾ Эменъ. Общія основанія конституціоннаго права. Рус. пер., ч. I подъ ред. проф. Дерюжинскаго. С.-Пет. 1898 г. См. Введеніе и планъ изложенія первой части.

сами страны. Не должно существовать безответственных властей, и общество должно имѣть право требовать отчета у всякаго агента своей администраціи“¹⁾. Мы видимъ, что принципы 1789 г. формулируютъ въ общемъ тѣ же начала, которыя, какъ мы разсмотрѣли выше, исторически развились въ Англии: признаніе за гражданами извѣстныхъ правъ и права народнаго представительства на законодательство, финансовый контроль и контроль за администраціей. Но начала 1789 года отличаются отъ историческихъ началъ англійскаго права въ двухъ отношеніяхъ. Они находятся подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: господства въ нихъ идей естественнаго права и демократизаціи общества въ ту эпоху. Поэтому и различіе ихъ отъ англійскихъ началъ заключается въ томъ, что то, что тамъ въ Англии было и считалось продуктомъ исторіи и исконнымъ правомъ англійскихъ гражданъ, здѣсь является прирожденнымъ, естественнымъ правомъ всякаго человѣка и всякаго гражданина, а затѣмъ въ томъ, что провозглашается демократизація общества, правовое равенство всѣхъ гражданъ и народное верховенство—идеи, навѣяныя ученіями Руссо и энциклопедистовъ и не имѣвшія примѣненія въ Англии. Принципы 1789 года распространились по Европѣ съ поразительной быстротой и силой. Въ періодъ отъ 1789 до 1848 гг. всѣ государства Западной Европы, за исключеніемъ Пруссіи и Австріи, ввели у себя конституціонное устройство, основанное на этихъ принципахъ, осуществивъ ихъ въ большей или меньшей мѣрѣ и примиривъ съ монархическимъ принципомъ легитимизма. Здѣсь невольно является вопросъ, почему же эти принципы возымѣли такое значеніе, получили такую силу и такое вліяніе на умы повсемѣстно въ Западной Европѣ? Наилучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ извѣстномъ сочиненіи французскаго писателя А. Токвилля—„L’Ancien régime et la révolution“—старый порядокъ и революція. Токвилль объясняетъ значеніе идей французской революціи ихъ общечеловѣческимъ, гуманитарнымъ и универсальнымъ характеромъ, сравнивая ихъ мощное вліяніе на умы съ вліяніемъ распространенія христіанства и вообще религіозныхъ догмъ и ученій²⁾. Будучи также высокоидеальными и общепримѣнимыми,

¹⁾ Faustin Hélie. Les constitutions de la France. Paris 1880 p. 30-32. Declaration des droits de l’homme et du citoyen.

²⁾ А. de-Tocqueville. L’Ancien régime et la révolution. Paris 1877, 8 édition Chapitre III, p. 16 и сл.

принципы эти поразительно дѣйствовали на умы. Это торжественное провозглашеніе началъ 1789 года было весьма благотворно для разрушенія старыхъ традиціонныхъ понятій абсолютизма и проникновенія въ умы новыхъ свободныхъ началъ. Но, съ другой стороны, въ силу своей абстрактности и прямолинейной теоретичности начала великой французской революціи уклонились отъ англійскаго государственнаго права. Они не считали возможнымъ какіе бы то ни было компромиссы при своемъ осуществленіи въ государственной жизни. Получивъ значеніе проповѣди, пропаганды (*la révolution agit par la prédication et la propagande*, говоритъ Токвилль²⁾), начала эти не считались ни съ мѣстными, ни съ историческими условіями, что вызвало противъ нихъ отчасти справедливое нареканіе такихъ писателей, какъ Боркъ и Галлеръ. Всѣ первыя конституціи, установленныя въ концѣ 18 и въ первой половинѣ 19 столѣтія—первыя французскія конституціи, конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, конституціи германскихъ государствъ и др., вышедшія въ эту эпоху, имѣють декларативную форму, ставя во главѣ своихъ постановленій раздѣль „о правахъ гражданъ“. Въ Германіи Учредительное Народное Собраніе, имѣвшее мѣсто въ 1848 году во Франкфуртѣ, вотировало также „основныя права германскаго народа“, которыя и были опубликованы 27 декабря 1848 г. Вообще общимъ началамъ и принципамъ было отведено въ первую эпоху введенія представительнаго образа правленія въ Западно-Европейскихъ государствахъ слишкомъ много вниманія и имъ придавалось слишкомъ много значенія. Казалось, что главное—провозгласить извѣстныя начала, и объ этомъ главнымъ образомъ и заботились, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ же закрѣпить и гарантировать эти провозглашенныя и занесенныя въ конституціи права и какъ дать имъ правильное примѣненіе въ жизни. Поэтому провозглашенныя начала часто оставались лишь на бумагѣ, а то и совершенно отмѣнялись, когда приходилъ удобный тому моментъ, какъ это было, напримѣръ, съ „правами германскаго народа“, отмѣненными постановленіемъ Союза. Въ болѣе позднихъ конституціяхъ, какъ наприм. конституція Германской Имперіи 1871 г. и конституціонные законы Французской республики 1875 г., мы уже не находимъ этой рубрики о правахъ гражданъ, и конституціи эти, не

²⁾ Tocqueville, наз. сочин., стр. 17.

находясь подобно первым конституціямъ подъ вліяніемъ естественно-правовыхъ воззрѣній, имѣють болѣе практической, дѣловой, чѣмъ декларативный характеръ. Этотъ абстрактно-философскій и идеальный характеръ, который получили начала англійскаго права, перейдя черезъ призму философіи школы естественнаго права въ принципы 1789 года, помѣшала народамъ, воспринявшимъ эти начала, подмѣтить сразу, что при всемъ ихъ высокомъ идеальномъ значеніи и силѣ, они требуютъ при своемъ примѣненіи известной модификаціи согласно съ народнымъ духомъ, что и повело во многихъ случаяхъ къ рѣзкимъ колебаніямъ и переворотамъ, пока постепенно народы не привыкли къ новому порядку вещей и не приладили его къ своимъ политическимъ, бытовымъ и социальнымъ особенностямъ. Затѣмъ, эта же абстрактность при усвоеніи конституціонныхъ началъ не дала замѣтить, что народное представительство въ Англійи, на которую однако постоянно продолжали ссылаться какъ на идеаль конституціоннаго государства, не есть что то отдѣльное отъ общей администраціи страны, а органически съ нею связанное и изъ нея вытекающее. Въ Европѣ долгое время какъ то не замѣчали, что управленіе общинъ на мѣстахъ и представительство ихъ въ парламентѣ всегда покоились въ Англійи на однихъ и тѣхъ же началахъ, одно завершая и дополняя другое, и одно измѣняясь и совершенствуясь съ измѣненіемъ и усовершенствованіемъ другого. Лишь въ срединѣ 19-го столѣтія трудами известнаго германскаго ученаго Рудольфа фонъ-Гнейста объ англійскомъ мѣстномъ самоуправленіи, открывшаго Европѣ Англійю административную, подобно тому какъ Монтескье открылъ конституціонную Англійю, было ясно показано, что только при широкой самостоятельности общественныхъ силъ въ мѣстномъ управленіи возможно установленіе и развитіе настоящаго конституціонализма. Помимо того, что управленіе государства должно быть основано на однихъ началахъ и проникнуто единымъ духомъ, и самоуправленіе общества на верхахъ государственной жизни должно быть дополнено его самоуправленіемъ на мѣстахъ и согласовано съ нимъ, представительный образъ правленія настоятельно требуетъ введенія широкаго мѣстнаго самоуправления въ силу чисто практическихъ условій. Только при такомъ условіи возможна подготовка надлежащихъ государственныхъ дѣятелей, столь необходимыхъ для народнаго представительства. Итакъ, Англійя явилась въ новое время снова при-

мѣромъ для Западно-Европейскихъ конституціонныхъ государствъ— теперь уже со стороны своего мѣстнаго управленія. И практика показываетъ, что въ Англіи, гдѣ мѣстное самоуправленіе поставлено широко, и самодѣятельности общества открыты широкіе горизонты, существуютъ истинные государственные люди въ полномъ значеніи этого слова, тогда какъ, напримѣръ, во Франціи, гдѣ при введеніи республиканской конституціи и парламентарнаго образа правленія мѣстное управленіе поставлено плохо, въ палатахъ встрѣчаются лишь дѣльцы, иной разъ хорошіе дѣльцы, но истинныхъ государственныхъ людей съ глубокимъ пониманіемъ государственной жизни и широкими государственными взглядами тамъ нѣтъ. Первые конституціи, занятія перестройкой государственныхъ формъ, оставляли мѣстное управленіе въ прежнемъ хаотическомъ состояніи, воздвигая чудную крышу на гнилое разваливавшееся зданіе.

И это произошло въ силу слишкомъ высокаго паренія умовъ, занятыхъ высшими идеалами свободы, равенства и братства и не замѣчавшими, что истинное установленіе этихъ началъ необходимо прежде всего на мѣстахъ, а затѣмъ уже въ центрѣ, что цѣлое не можетъ быть хорошо, когда части его въ нестроеніи, какъ выражалась Великая Екатерина. Въ настоящее время этотъ взглядъ усвоенъ всеми культурными народами, усиленно стремящимися улучшить мѣстное управленіе путемъ расширенія участія въ немъ мѣстныхъ общественныхъ силъ. А въ нѣмецкой наукѣ государственнаго права твердо установился тотъ принципъ, что „die freie Gemeinde ist die Grundlage des freien Staates“, т. е. свободная община есть основаніе свободного государства. Подведемъ итоги изложенія. Мы видимъ, что въ Англіи уже въ 17-мъ вѣкѣ завершается процессъ выработки извѣстныхъ началъ свободного государства. Завершившись двумя революціями и окончательными признаньями актовъ ихъ сопровождавшими: петиціей правъ, биллемъ о правахъ и актомъ объ утвержденіи Act of Settlement, призвавшимъ на престолъ Англіи новую Ганноверскую династію, эти начала собираются, теоретизируются и систематизируются сперва въ самой Англіи Джономъ Локкомъ, а потомъ континентальными писателями. Знакомство съ ними въ континентальной Европѣ происходитъ подъ влияніемъ философскихъ идей естественнаго права, и благодаря этому они становятся изъ историческихъ чисто теоретическими, абстрактными началами. Соотвѣтствуя идеямъ, охватившимъ передовую либераль-

ную часть населенія Западной Европы, пропитанную идеалами просвѣтительной философіи и стоящую во главѣ движенія на пути къ установленію новаго порядка общественной жизни людей, эти трансформировавшіеся абстрактные принципы становятся идеалами политической пропаганды и подобно религіознымъ ученіямъ, съ которыми сближало ихъ идеальное и универсальное содержаніе, получаютъ повсемѣстно огромное значеніе. Не смотря на свои заблужденія: слишкомъ сильное увлеченіе провозглашеніемъ абстрактныхъ началъ и игнорированіе практическихъ способовъ примѣненія провозглашеннаго, движеніе это важно было тѣмъ, что переродило политическое міровоззрѣніе и, укоренивъ въ умахъ извѣстные принципы, облегчило установленіе въ Западной Европѣ новаго государственнаго строя, основаннаго на господствѣ политической свободы и правовыхъ началъ. Сначала необходимо было провозгласить идеалы, впитать ихъ въ общественное сознаніе, а затѣмъ настала пора для лучшаго ихъ развитія и примѣненія въ каждомъ данномъ случаѣ. Поэтому нельзя очень строго осудить слишкомъ философскій характеръ первыхъ конституцій и ихъ непрактичность и непониманіе конкретныхъ задачъ и дѣятельности конституціоннаго государства. Въ общемъ, какъ видимъ, и англійское государственное право и идеи естественнаго права и великой французской революціи сыграли плодотворную роль въ установленіи новаго порядка вещей въ государственномъ строѣ Западно-Европейскихъ народовъ

Россія также не избѣгла всеобщаго теченія, хотя стояла совершенно въ сторонѣ отъ него. Извѣстно, что императоръ Александръ I и его друзья сподвижники Новосильцевъ, Строгановъ, Кочубей, Чарторыйскій, имѣвшие въ началѣ царствованія Александра I большое на него вліяніе, были одушевлены, какъ идеалами англійскаго государственнаго устройства, которое многимъ изъ нихъ было хорошо извѣстно, такъ и принципами 1789 года.

Еще будучи наслѣдникомъ, Александръ I мечталъ о переустройствѣ Россіи на началахъ Западно-Европейскихъ конституціонныхъ идей. Это видно изъ письма его къ его воспитателю Лагарпу отъ 27 сентября 1797 года, въ которомъ онъ мечтаетъ по вступленіи своемъ на престоль ввести въ Россіи представительный образъ правленія (*la constitution libre*). Въ томъ же письмѣ онъ высказываетъ желаніе содѣйствовать переводу и распространенію въ Россіи

полезныхъ книгъ, чтобы положить начало распространенію знанія и просвѣщенію умовъ и, такимъ образомъ, подготовить общество къ воспріятію реформъ ¹⁾).

Въ началѣ царствованія императора Александра I это желаніе его осуществилось. Было переведено и издано по Высочайшему повелѣнію много книгъ по разнымъ отраслямъ знаній. Между прочимъ, въ 1806 году вышелъ переводъ сочиненія Делольма „Конституція Англіи“, сдѣланный Татищевымъ. Переводчикъ посвятилъ свой трудъ Государю, прося его во введеніи „воззрѣть на переводъ сей книги, коея знаменитый авторъ занимался преимущественно изъясненіемъ средствъ, употребленныхъ въ Англіи для установленія существующаго тамъ всеобщаго и безпристрастнаго правосудія: столь любезной Вашему сердцу добродѣтели и одной изъ главныхъ и надежнѣйшихъ опоръ престоловъ и царствъ“.—Въ 1809 году Языковымъ былъ переведенъ трудъ Монтескье „О Существовѣ Законовъ“. Такимъ образомъ проникали въ Россію новыя Западно-Европейскія конституціонныя начала. Но эти идеи охватили лишь небольшой кружокъ приближенныхъ къ Государю лицъ.

Сперанскій также не былъ чуждъ этихъ идей, и въ его „планѣ всеобщаго государственнаго преобразованія“ можно найти много мѣстъ, указывающихъ на его стремленіе перестроить государственный строй Россіи по началамъ, возможно полнѣе осуществляющимъ принципы Западно-Европейскаго конституціонализма, примѣнительно къ французскимъ учрежденіямъ Наполеоновской эпохи. Всѣ эти идеи, однако, были усвоены въ нашемъ отечествѣ лишь самой незначительной частью общества, самыми верхами его; широкіе же общественные круги были вовсе неподготовлены къ воспріятію новыхъ государственно-правовыхъ идеаловъ и къ коренному измѣненію государственнаго строя, какъ это имѣло мѣсто въ Западно-Европейскихъ странахъ. Реформаторская дѣятельность правительства поэтому была встрѣчена неодобрительно и даже враждебно широкими кругами русскаго общества и, будучи осуществлена лишь на половину и въ своихъ второстепенныхъ чертахъ созданіемъ министерствъ и государственнаго совѣта, была остановлена вскорѣ попятнымъ движеніемъ, обнаружившимся къ тому времени и въ Западной Европѣ.

¹⁾ См. Шильдеръ Александръ I, т. I, гл. XI, стр. 161—165.

Значеніе, какое имѣло англійское государственное право для конституціоннаго права вообще, не потеряло и до сего времени своей важности. Новѣйшая разработка исторіи и догмы его такими выдающимися изслѣдователями всѣхъ странъ, какъ Галламъ, Фримэиъ, Стѣббсъ, Беджготъ и Дайси въ Англии, Бутми и Глассонъ ¹⁾ во Франціи и Гнейстъ ²⁾ въ Германіи даетъ все болѣе и болѣе цѣннаго, поучительнаго матеріала, приносящаго громадную пользу съ точки зрѣнія лучшаго пониманія англійскаго государственнаго устройства и государственной жизни, а также началъ ихъ одухотворяющихъ. Напримѣръ, Беджготомъ была ясно показана ошибочность извѣстнаго мнѣнія Монтескье о раздѣленіи властей въ Англійской конституціи. Беджготъ не первый выступилъ противъ доктрины раздѣленія властей, но онъ первый показалъ истинную сущность англійскаго государственнаго строя, выражающуюся въ „верховенствѣ парламента“. Беджготъ ³⁾ рельефно подчеркнул въ своемъ разсужденіи объ англійской конституціи, что суть англійскаго государственнаго устройства не въ раздѣленіи властей, а „въ особенномъ ихъ сліянніи“, выражающемся въ „верховенствѣ парламента“, въ которомъ сосредоточивается какъ законодательная, такъ и исполнительная власть, отправляемая при парламентскомъ правленіи, котораго также не подмѣтилъ Монтескье, хотя оно уже функционировало въ его время, особой комиссіей парламента, кабинетомъ министровъ, составляемымъ изъ членовъ партіи, имѣющей въ данное время за себя большинство голосовъ въ парламентѣ. Этотъ парламентарный образъ правленія, установившійся въ Англии подобно всѣмъ другимъ началамъ англійскаго государственнаго права чисто историческимъ, практическимъ путемъ при новой ганноверской династіи, также былъ заимствованъ многими континентальными государствами. Впервые на континентѣ онъ былъ примѣненъ опять таки во Франціи въ царствованіе Людовика XVIII и особенно при Людовикѣ Филиппѣ Орлеанскомъ, а затѣмъ распространился и на другія страны—Бельгію, Италію и др. Предполагая уже развившуюся поли-

¹⁾ Boutmy. Le développement de la Constitution et de la société politique en Angleterre, Paris, 1897. Glasson, Histoire du droit et des institutions de l'Angleterre, 6 vol., Paris, 1882—3 г.г.

²⁾ Rudolf Gneist, Englische Verfassungsgeschichte, Berlin, 1882.

³⁾ Беджготъ, Государственный строй Англии. Рус. переводъ. Москва, изд. 1905 г.

63422 к. 20с. чр.

7-ий Юридич. БИ

тическую жизнь въ странѣ и существованіе крѣпкихъ политическихъ партій, чередующихся у кормила правленія, парламентская система управленія привилась лишь въ нѣкоторыхъ государствахъ да и тамъ не вездѣ имѣеть такое благотворное вліяніе, какъ въ Англіи. Кромѣ Беджгота изъ новыхъ англійскихъ ученыхъ много разъясненій для лучшаго пониманія началъ англійскаго государственнаго права можно найти у Фримэна ¹⁾ и Дайси ²⁾. Первый даетъ прекрасный анализъ историческаго развитія англійской конституціи, второй, изслѣдуя англійскую конституцію съ юридической точки зрѣнія, останавливается особенно на „господствѣ права“ въ Англіи, прекрасно разъясняя, что права гражданъ и другія конституціонныя начала вытекаютъ въ Англіи изъ общаго права страны, такъ что конституція не является источникомъ всѣхъ этихъ правъ, какъ это имѣеть мѣсто въ континентальныхъ государствахъ Западной Европы, а слѣдствіемъ правъ частныхъ лицъ, которыя защищаются судами страны и всѣмъ ея правовымъ порядкомъ, укладомъ. Въ силу этого нарушеніе конституціи въ Англіи является невозможнымъ. Англія не имѣеть, какъ извѣстно, писанной конституціи, въ которой были бы перечислены права гражданъ и распределены различныя функціи государственной дѣятельности между различными органами, а также установлены отвѣтственность министровъ и другія гарантіи противъ неконституціонныхъ дѣяній правительства. Государственный строй и политическая жизнь Англіи покоятся на рядѣ отдѣльныхъ биллей, рѣшеній судовъ, парламентской практикѣ и обычаяхъ. Общее право страны связуетъ всѣ эти элементы, а суды дѣлаютъ невозможнымъ ихъ нарушеніе. И, не имѣя писанной конституціи, Англія *de facto* обладаетъ лучшею конституціей въ мірѣ. Изъ этихъ краткихъ примѣровъ видно уже какъ много можно еще поучиться у англійскаго народа и какъ много можно извлечь полезнаго изъ англійскаго государственнаго права и англійской конституціи, этой прародительницы всѣхъ другихъ конституцій. Я надѣюсь, что знакомство съ важнѣйшими исто-

¹⁾ *Фримэнъ и Стѣббсъ*, рус. пер. Опыты по исторіи англійской конституціи, подъ ред. проф. М. Ковалевскаго. Москва 1880 г. См. также недавно вышедш. Эдуардъ Фримэнъ. Развитие Англійской конституціи, пер. Займовскаго, изд. журн. „Русская Мысль“. Москва 1905 г.

²⁾ *Дайси*, назван. сочиненіе.

рическими началами англійскаго государственнаго права, а также съ его духомъ, принципами и современнымъ состояніемъ различныхъ англійскихъ государственно-правовыхъ учрежденій, помимо глубокаго интереса, можетъ принести и существенную пользу для всякаго стремящагося къ сознательному уясненію началъ новаго конституціоннаго государства Западной Европы, однимъ изъ видовъ котораго и наилучшимъ видомъ, какъ оригиналь всегда лучше копій, является англійское государство.

А. Жилинъ.